

В Е Р А Калачкава

Роман,
который не должен
был случиться

Давай
придумаем
любовь

Вера Александровна Колочкова

Давай придумаем любовь

Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69009370

Давай придумаем любовь / Вера Колочкова: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-185070-8

Аннотация

После встречи Нового года жизнь Маши поворачивается на сто восемьдесят градусов. Ее муж уходит к другой женщине и все рушится. Маша не знает, как собрать разбитое сердце, которое она так доверчиво вручила в чужие руки. Она больше не верит в любовь, но, может быть, ее можно придумать?

«Давай придумаем любовь» – это увлекательный роман, в котором главная героиня начинает жизнь с чистого листа. Писательница Вера Колочкова показывает, что можно изменить свою жизнь в любой момент, несмотря на все трудности. Главное – это найти опору в себе.

Авторская серия Веры Колочковой. Автор уже завоевавший симпатии читателей. По романам Веры Колочковой снимают сериалы, она, как никто другой, может открывать самые потаенные движения человеческой души.

Вера Колочкова

Давай придумаем любовь

*Не исчезай... Исчезнув из меня,
Развоплотясь, ты из себя исчезнешь,
Себе самой навеки изменяя,
И это будет низшая нечестность.*

*Не исчезай... Забудь про третью тень.
В любви есть только двое. Третьих нету.
Чисты мы будем оба в Судный день,
Когда нас трубы призовут к ответу.*

Евгений Евтушенко «Не исчезай...»

В коллаже на переплете использованы фотографии:
© Zamurovic Brothers, Gligoric, Eric Isselee, New Africa,
Vladimir Muravin / Shutterstock.com Используется по лицен-
зии от Shutterstock.com

В оформлении форзаца использован коллаж из фотогра-
фий: © Sude Arslan, Olena Rudo / Shutterstock.com Исполь-
зуется по лицензии от Shutterstock.com

© Колочкова В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Маша открыла дверь платяного шкафа, задумчиво начала перебирать висящие на плечиках платья. Что бы такое надеть нарядное... И даже очень нарядное. Новый год все-таки, особенный праздник. Хотя настроения новогоднего вроде и нет... Призываешь его всеми силами, призываешь, а оно не торопится осчастливить, хоть плачь. Но встречать Новый год все равно в чем-то надо, его не перенесешь на более поздний срок, не отменишь! Этой сакральной дате неважно, что настроения совсем нет! Уж будь добра, напрягись, организуй себя как-то...

Но как, если не получается? Если этого новогоднего ощущения радости беспричинной нет, что бывала раньше?

А может, ну ее к черту, эту самую радость? Чего ее зря вымучивать? Ну нет и нет, можно без нее обойтись прекрасно. Ведь если рассудить здраво, что он такое, этот канун пред-

стоящего торжества? Обман ожиданий, только и всего. Игра в детство. Мол, загадаю себе на следующий год кучу всего, проговорю торопливо эту «кучу» под бой курантов, и все потом сбудется!

Ага, размышлялась. Ничего ни у кого не сбывается, ерунда все это. К тому же нет ничего грустнее обманутых ожиданий. И тем не менее все повторяется из года в год – и суета эта предновогодняя, и чистка перышек, и платье, и желания торопливые под бой курантов...

Ладно, хватит грустить. Как бы там ни было, а платье выбрать надо. Хотя выбор, если честно, не так уж велик... Можно вот это, синее с блестками, оно ей идет, да... Но его ж на прошлый Новый год надевала! Маринка ведь это платье вспомнит и обязательно съязвит что-нибудь этакое – мол, твой Олег не в состоянии на новое платье жене заработать? Она ж такая, Маринка... Вроде и не со зла скажет, с улыбочкой, а все равно неприятно. Хотя могла бы и не заметить, промолчать... Подруга все-таки.

А можно вот это надеть, бежевое, трикотажное, оно такими красивыми складками на бедрах ложится... Но оно скорее летнее, без рукавов, вроде не по сезону. О, вот это подойдет, пожалуй! Шелковое, сиреневое, длинное, до щиколоток. Совсем недавно его покупала, когда свой день рождения отмечала, и Маринка его точно не видела! Она ж болела тогда, на день рождения не пришла... Да, пожалуй, сиреневое. А к нему можно бусы аметистовые у мамы позаимство-

вать. И сережки...

Надела на себя платье, повертелась перед зеркалом. Да, и впрямь ничего. Вроде даже и посвободнее стало. Похудела, наверное... Какие-то непонятки у них в последнее время происходят с Олегом, вот и похудела. Потому еще и настроения новогоднего нет...

Хотя к черту, к черту это настроение, далось оно ей, честное слово! Теперь и новогоднюю вечеринку у друзей отменить?

Вышла к маме на кухню, спросила деловито, потрогав мочки ушей:

– Сережки свои дашь, мам? Те самые, аметистовые? И бусы... К этому платью все равно ничего больше подобрать нельзя.

– Дам, конечно, о чем разговор... – повернулась от плиты мама, быстро оглядела ее с ног до головы. – Иди ко мне в комнату и возьми в шкатулке.

– Да, сейчас... – повернулась было к двери Маша, но мама остановила ее решительно:

– погоди! погоди, успеешь еще... Я тебя попросить хочу, Маш... Не забирайте Павлика из дома, а? Ну в самом деле... Поговори с Олегом, я думаю, он не против будет. Ну что ребенку в шумной компании делать, сама посуди?

– Нет, мам, что ты... Павлик же собирался с нами, как я ему скажу? Нет... Он и подарки уже для Сонечки с Кирюшей приготовил... Они его тоже очень ждут! Мы же всегда

у Филимоновых Новый год встречаем, ты же знаешь!

– Ну да, конечно... – обиженно кивнула мама. – Детки твоей подруги Катеньки важнее, конечно, чем родная бабушка!

– Но они же и впрямь дружат, мам...

– Ой, да какая там дружба! Ребенку десять лет, а ты рассуждаешь так, будто он взрослый! Ты мать или кто? Сказала бы ему – останься с бабушкой, он бы и остался как миленький! И мы бы с ним прекрасно Новый год вдвоем встретили... Все б я не одна, все бы компания...

– Так сходи к подруге, мам! Тетя Зоя всегда тебя на Новый год приглашает!

– Да ну... Не хочу. Я неловко себя в гостях чувствую. У Зои же все парами будут... Что я усядусь... как бедная родственница? Все меня жалеть будут, что я одна... Не, не хочу самой себе такую пытку устраивать.

– Ой, мам! Ну что ты себе неловкости всякие придумываешь? Кому какое дело, одна ты в гости пришла или еще с кем-то?

– Хм... С кем-то... – тихо и грустно проговорила мама, коротко глянув на Машу. – Ты так рассуждаешь, потому что сама в этой шкуре никогда не была... И не дай тебе бог, конечно... Только разведенная женщина знает, каково это – быть разведенной. Когда в любую приличную компанию тебе путь заказан заранее, будто у тебя на лбу клеймо стоит. Нет, пойти-то можно, конечно, Зоя и впрямь приглашает

всегда... Из приличия приглашает...

– Да ну, мам! Вот ерунда все это, чистая ерунда! Не знаю, может, раньше так и было, спорить не буду... Но сейчас-то уже другие времена, мам! Сейчас женская свобода обрела другой статус! Женщины сейчас и сами не особо хотят быть замужем, это необязательный фактор для счастья! Ой, да что я тебе объясняю...

– Правильно, не надо. Не объясняй. Потому что я знаю, что говорю. И знаю, как одинокие бабы хорошо насобачились придумывать сказки про эту свободу. Одна другой хлеще придумывает, а остальные им еще и поддакивают, ага! Да только подоплека у этих сказок все равно одна, обманная подоплека-то... Нет у бабы никакой свободы, не нужна она ей. А если какая начинает рьяно доказывать, что нужна, так это все как анекдот звучит про ковбоя Джо... Мол, почему он такой неуловимый? Да потому что его никто не ловит и не хочет ловить...

– Ну, мам, ты даешь... Я так понимаю, что с тобой и спорить на эту тему бесполезно. Да я и не буду...

– И правильно. И не спорь. А то еще накликаешь на себя...

– Ну что я накликаю, что?

– А сама не понимаешь, да?

– Нет, не понимаю!

– Да все ты понимаешь, дорогая доченька! Все прекрасно понимаешь! Вот скажи, где Олег? Где сейчас твой муж на-

ходится, почему не рядом с тобой? Сегодня тридцать первое декабря, между прочим!

– Ну и что, мам? У него дела... Сегодня же рабочий день!

– Ой, да ладно... После обеда уже все по домам разбегаются, что я, не знаю? Он хоть звонил тебе? Сказал, когда придет?

– Звонил... Сказал, что домой не успеет, что приедет прямо к Филимоновым часам к одиннадцати...

– К одиннадцати?! Ничего себе... И где же это он будет до одиннадцати?

– Но я же тебе объясняю – у него дела...

– Маш! Ты дурочку-то из себя не строй, ладно? Какие такие дела могут быть в предновогодье? Все нормальные мужья давно около своих жен сидят... В кругу семьи...

– Мам, не начинай, а? Это наше с Олегом дело...

– Конечно, ваше дело, разве я спорю? Я в ваши дела никогда не суюсь... А только у меня тоже глаза есть, они ж все видят... Да из ума я еще не выжила, все прекрасно понимаю.

– Ну что, что ты понимаешь, мам? Что ты себе придумываешь? Зачем себя накручиваешь попусту?

– Ну да, ну да... Скажи еще, что меня старческая паранойя настигла. Я еще в здравом рассудке нахожусь, слава богу, и отвечаю за свои слова. И вижу прекрасно, что меж вами происходит!

– Ничего ужасного не происходит, мам, я тебя уверяю. У нас все хорошо, правда. Я Олегу верю. Если говорит, что у

него дела, значит, так и есть.

– Ну да, ну да... Я тоже когда-то такой же дурочкой была, твоему отцу безоглядно верила. Пока он дверь за собой не закрыл... А, да что говорить, ты ж все равно мать не слушаешь... Не авторитет для тебя мать, понимаю, что ж...

Маша вздохнула тихо, ничего не ответила. Знала уже, что дальше будет. Если ответишь, мама плакать начнет, лучше как-то бы ее отвлечь быстренько...

– Мам, так я не поняла! Так ты мне сережки дашь или нет? И бусы?

– Ну сказала же... Иди в мою комнату, сама возьми! И ты мне еще не ответила, Маш... Оставишь со мной Павлика или нет?

Вопрос прозвучал опять слезно, и Маша растерялась. И вздохнула с облегчением, когда услышала голосок Павлика, появившегося в дверном проеме:

– Я не хочу дома оставаться, ба... Я хочу с папой и с мамой... Давай ты лучше с нами в гости поедешь, ладно?

– Да больно я нужна в те гости, Павлуша... Кто ж меня туда звал... – тихо проговорила мама, с досадой глянув на Павлика.

– Так давай я сейчас позвоню и попрошу тетю Катю или дядю Дениса, чтобы они тебя позвали! И все вместе поедем! Или мама пусть позвонит!

– Да нет, что ты... Спасибо, внучек. Добрый ты у меня... Да и не готова я, а вам уже ехать пора.

– А который час, мам? – озабоченно спросила Маша.

– Так без пятнадцати восемь уже!

– Ой... И впрямь пора! За нами же Марина в восемь заедет! – заполошно проговорила Маша. И, повернувшись к сыну, добавила тихо: – Давай, Павлик, собирайся, неудобно будет заставлять себя ждать! Я тоже сейчас быстренько соберусь...

– Так я давно готов, мам... Это ты до сих пор копаешься!

– А Марина одна за тобой заедет, что ль? – удивленно спросила мама.

– Нет... Марина с Женей. Они вместе за нами заедут.

– Ну да, ну да... Маринка твоя – кремень. Всегда мужа около себя держит. Да и Женя у нее такой... Маринка скажет: «К ноге!» А он уже тут как тут. А твоему Олегу так не скажешь, конечно...

– Да мне бы такое и в голову не пришло, мам! Что значит к ноге? Мне и не надо так... Я не хочу!

– А что тебе еще остается, как не хотеть? У тебя и выбора другого нет. Олег, он совсем другой...

Мама вздохнула так, будто одобрила, что ее зять совсем другой. И проговорила тихо, почти обреченно:

– Ладно, пойду к Зое Новый год встречать... Не сидеть же одной... Часов в десять пойду, чтобы не быть там долго. А вы идите и собирайтесь, что ж...

Маша и Павлик быстро вышли из кухни, будто сбежали. Павлик спросил шепотом:

– Бабушка обиделась на меня, да?

– Нет, что ты... Просто у нее настроение сегодня плохое.

– Потому что папы дома нет, да?

Маша и не нашла сразу что ответить – такой был голос грустный у Павлика. Потом собралась, проговорила деловито:

– Ты же знаешь, у папы всегда много дел! Он приедет потом, и мы все вместе встретим Новый год... А как же иначе? И вообще... не отвлекай меня. Иди лучше глянь в окно, вдруг тетя Марина и дядя Женя уже за нами приехали?

– Да нет, точно не приехали... Сейчас наверняка в городе жуткие пробки, – совсем по-взрослому рассудил Павлик, махнув рукой. – А если бы приехали, тетя Марина тебе бы давно позвонила. Ты лучше собирайся уже, мам...

– Да, я сейчас, я быстро!

Потом она долго смотрела на свое отражение в зеркале – как все-таки аметистовые бусы и серьги подходят к этому платью... И к глазам... А если бы они не были такими грустными, так вообще... И ведь не сделаешь их веселыми, как ни старайся! Не зря ж говорят, что глаза – зеркало души. А на душе и впрямь кошки скребут...

И ведь как хочется прогнать этих кошек, сердито прогнать – брысь, брысь отсюда! И потом жить себе дальше, заниматься приятными новогодними хлопотами! Они ведь на самом деле приятные, правда?

Да только не получается их прогнать. Потому что как ни

посмотри, а мама права. Какие дела могут быть у Олега в предновогодье? Все давно уже к празднику готовятся, мужья к женам спешат, а жены – к мужьям. Потому что это семейный праздник, всякие упоминания о «делах» звучат по меньшей мере неуместно. И обидно. Ну что значит «приеду к одиннадцати?» Ведь если разобраться, самые драгоценные часы предновогодья протекают именно до одиннадцати, пока за стол не сели. В счастливой суете протекают. В общении с друзьями. которым еще надо объяснить, почему они с Павликом явились в гости без мужа и отца. Их уж точно «делами» не обманешь.

А она, выходит, позволяет себя обманывать? Вот как упорно твердит и маме, и Павлику, и самой себе – дела, дела... Наверное, потому что упорно твердить легче, чем правду признать. В данном случае это упорство роль соломинки выполняет, за которую можно ухватиться. Чтоб совсем не пропасть...

Да, да! Она пропадет, если... Если потеряет Олега. Без него жизни для нее нет. А что делать? Такая вот любовь... И установка в этой любви такая – не возражать, не спорить. Беречь эту любовь как величайшую драгоценность. Как-то сразу так повелось...

С того самого дня и повелось, как познакомились. Она сразу поверила, что это знакомство – большой для нее подарок. Олег, он же такой... Такой красивый, такой в себе уверенный, такой сильный и статный. Будто с киношной кар-

тинки сошел. К тому же старше ее на семь лет. Зрелый красавец-мужчина. А она кто была? Мышка-норушка серенькая, домашняя девочка, в строгости воспитанная. Ой, да как вспомнишь... Она даже глядеть на него боялась, робела и глаза опускала, сказать ничего умного не могла. Все ей казалось, что не то ляпнет с перепугу. А когда он замуж ее позвал, не могла своему счастью поверить. Все думала – это не с ней происходит, а с какой-то другой девицей, более симпатичной и в себе уверенной.

После свадьбы Олег переехал к ним с мамой в их трехкомнатную квартиру. И как-то очень быстро освоился, хозяином себя почувствовал. И опять ей ужасно нравилось, что он такой... Всегда все сам решает. И маме его поведение нравилось. Все время говорила довольно – наконец, мол, мужик в доме живет настоящий. Каменная стена. Не всем так в жизни везет! И ее мама наставляла время от времени:

– Ты никогда с мужем не спорь, Машенька. Будь умной, покладистой будь. Такие мужья на дороге не валяются, имей в виду. Береги его... Под кожу не лезь, мозг не выноси. Считай, что ты свой счастливый билет уже вытянула. Теперь главное – сберечь свое счастье, в семейных дразгах не растерять. От женщины ведь очень многое в семье зависит... Не спорь с ним никогда попусту, слышишь?

– Да какое там, мам... У меня и мыслей таких нет! Я так его люблю, что и себя не чувствую – есть ли я, нет ли... Будто счастливым ветром меня несет.

– Да, повезло тебе, доченька... – вздыхала мама грустно. – Не то что мне... Ты уж будь счастлива за двоих, и за себя, и за меня. И я возле твоего счастья погреемся как сумею. Такой муж тебе достался, такой муж! Да это ж одно сплошное удовольствие – такому зятю услужить!

В удовольствии услужить мама себе не отказывала. Вставала рано, чтобы завтрак Олегу приготовить. Он садился за стол, и мама суетилась вокруг него с тихим бормотанием – обязательно, мол, надо плотно позавтракать, Олеженька... У тебя трудовой день впереди... Я блинчиков тебе напекла, кушай! И сметанки, сметанки побольше клади!

Олег кушал. Со стороны могло показаться, что он такой большой и важный начальник, а мама у него домработницей служит. Или кухаркой.

На самом деле не был он никаким начальником, трудился простым менеджером в захудалой фирме. Хотя претензии по поводу своей незадавшейся карьеры у него всегда были, он их проговаривал частенько с мазохистским надрывом:

– Кругом же одни блатники сидят, чьи-то сыночки да дочки! Разве нормальному человеку можно сейчас где-то пробиться? Кругом только бабки родительские все решают...

– Да, Олеженька, все так, да! – соглашалась мама с большим сочувствием в голосе. И тут же добавляла торопливо: – Но ты не переживай, Олеженька, что ты... Мы с Машей все понимаем. Мы тебя и так любим, Олеженька...

– Да знаю... – будто бы с раздражением отмахивался

Олег. – Но все равно ведь обидно, Татьяна Петровна! Я на фирме больше всех кручусь, по делам бегаю как подорванный, а никто это не видит, не ценит... За последние два года даже зарплату ни разу не повысили! Вот где справедливость, скажите, где?

– Да какая такая справедливость, Олеженька, что ты... Никогда и нигде ее отродясь не было. А за деньги не переживай – нам ведь хватает, правда? И Маша работает, и пенсия у меня... Проживем, Олежек, не переживай!

Олег, позавтракавши, уходил на работу, а мама продолжала вздыхать, с укором глядя на Машу, будто это она была виновата в незадавшейся карьере мужа:

– А ты чего сидишь и помалкиваешь, а? Могла бы и поддержать мужа, ободряющее словцо ему сказать! Он какой деловой... И умный... Настоящий мужик... Женщина при таком муже просто обязана быть мудрой да благодарной! А ты сидишь и молчишь!

– Так ты за меня все говоришь, мам...

– А тебе что, не нравится? Если не нравится, так и скажи! Я вообще могу замолчать!

– Перестань, мам. Я вовсе не хотела тебя обидеть.

– Да знаю... Мне не за себя обидно, мне ж за Олега обидно. Никто и нигде его не ценит...

– Я ценю, мам. Ты же знаешь. Я очень его люблю.

– Ну еще бы ты не любила... Он твой муж, глава семьи. Сейчас поищи таких, чтобы согласился главой быть, чтобы

ответственность за семью взял. Чтобы любить его было за что. А ты его любишь, да... Что правда, то правда... Это ведь счастье для женщины, когда она мужа любит...

Счастье. Конечно же, счастье. Кто ж спорит? Но какое-то оно... С червоточиной получается. Такое иногда накатывает ощущение, будто это счастье замешано на ее самоуничижении перед мужем. Не зря же подруга Маринка всегда фыркает, когда она при ней вспоминает Олега. Фыркает и овцой ее называет.

А может, Маринка права? Может, она и есть овца, которая только за голосом пастуха следует? И как эту овцу в платье красивое и бусы аметистовые ни обряжай, она все равно, по сути, овцой остается? Любящей и преданной, но овцой?

Дверь тихо скрипнула, Маша оглянулась испуганно, будто ее застали за чем-то постыдным. Наверное, сама в этот момент своих же мыслей испугалась.

В проеме двери стояла мама, смотрела на нее с улыбкой.

– А ну, Машунь, покажись хоть... Как мои бусы с платьем смотрятся...

Маша развернулась к маме всем корпусом, развела руки по сторонам, покружилась неловко. Мама довольно кивнула:

– Хороша! Очень бусы к платью подходят. И серьги... Знаешь, я тебе дарю этот комплект. Пусть будет от меня новогодний подарок. Все равно я его не ношу, вышло мое время для украшений. А тебе пригодится, что ж...

– Спасибо, мам! Спасибо! Я тоже тебе там, под елочкой,

подарок положила. Посмотришь потом...

Телефон пискнул пришедшим сообщением, и Маша, глянув на дисплей, тут же заторопилась, не дав маме ответить:

– Ну все, мы пошли, Маринка и Женя за нами уже приехали! Павлик, ты где? – крикнула она в глубину квартиры. – Давай собирайся быстренько, мы выходим!

– Я все-таки надеялась, что оставишь со мной Павлика-то... До последнего надеялась... – со слезой в голосе проговорила мама.

И не став слушать Машиных оправданий, махнула рукой, ушла к себе. А Павлик уже торопливо натягивал на себя пуховичок и ботинки. Сам открыл дверь и стоял за ней, нетерпеливо притопывая ногой:

– Мам, ну чего ты копаешься? Давай быстрее, мам...

* * *

Ну улице шел снег. Легкий, праздничный. Маша вдохнула в себя терпкий морозный воздух – казалось, он пахнет шампанским и мандаринами. И еще чем-то вкусным. И елочка во дворе стоит, огоньками мигает. Красиво...

Зажмурилась, улыбнулась и тут же услышала сердитый голос Марины, доносящийся из приоткрытого окна машины:

– Машка, давай быстрее! Мы тут ждем, а она стоит, замерла... Чего замерла-то, а?

– Да так... Снегом люблюсь... Еще елочкой, – виновато

проговорила Маша, подходя к машине.

– Ох, романтичная ты наша... Давай песенку еще спой – «в лесу родилась елочка»! А мы посидим тут, послушаем. Торопиться-то нам ведь некуда, правда?

– Теть Марин, не ругай маму... – жалобно попросил Павлик, заглядывая Марине в глаза.

– А я разве ее ругаю, ты что, Павлик? – рассмеялась в ответ Марина. – Наоборот, я твоей мамочкой восхищаюсь! В наши циничные времена быть романтиком – это ж не каждому дано, правда? И хватит со взрослыми спорить, садись в машину!

– Да вот же я, сажусь уже... – проворчал тихо Павлик.

Женя выскочил из машины, услужливо помог Маше с Павликом забраться на заднее сиденье. Марина повернулась, опять спросила насмешливо:

– Я правильно поняла, Олег с нами не едет? А почему, интересно знать? Случилось что-то?

– Да ничего не случилось... У него дела. Он позже придет, – немного виновато ответила Маша и рассердилась на себя тут же за эту виноватость. Будто оправдывалась в чем.

– И как это понимать – позже? Ровно к двенадцати, что ли? Или под бой курантов заявится? – не унималась Марина.

Маша вздохнула, прикусила губу. Нравится Марине, что ли, ее мучить? Вот всегда так... Марина будто бы на нее нападает, а она оправдывается. Как Олег говорит – плюсует. А она, стало быть, минусует. Никогда не может ответить чем-

нибудь резким – отстань, мол, не твое дело, сама разберусь!

– К одиннадцати обещал... – стараясь придать голосу нотки уверенной беззаботности, проговорила Маша тихо. – Да и какая разница, в общем, когда он приедет! Разберется со всеми делами и приедет.

– Ну-ну... – хмыкнула Марина, отворачиваясь к окну.

Какое-то время ехали молча, хотя это и громко звучит – ехали. В основном стояли или тащились медленно в потоке машин.

– Ой, я же совсем забыла! – вдруг всполошилась Маша. – Катька просила соленых огурцов купить! Давайте еще на рынок заедем, ладно? Все равно ж по пути...

– Она что, беременная? – снова повернула к ней голову Марина. – Куда им с Дэном третий ребенок, они что, с ума сошли?

– Ой, да почему сразу беременная! Просто забыла в городе соленых огурцов купить, вот и все! Ну сама посуди, какой такой оливье без соленых огурцов?

– А у них что, своих нет? Вроде на земле живут, участок большой...

– Так у них не участок, а настоящий лес, там деревья растут, ты же знаешь... Где там огурцы выращивать? Между соснами грядки разводить?

– Ладно, убедила. Жень, слышишь? Давай к рынку подруливай, у нас форс-мажор, у Катьки с Дэном соленых огурцов не оказалось! – деловито дала мужу указание Марина.

– Ладно, ладно... – покорился Женя. И тут же добавил: – Только учтите, девчонки, у рынка сейчас не встанешь, все забито машинами. Придется в какой-нибудь двор заезжать. И уже оттуда на рынок топать.

– Вот ты и будешь топать, а мы пока в машине посидим. Ничего страшного. Не станешь же ты возражать, правда? Ты ж у нас джентльмен!

– Ну, само собой разумеется... Конечно, я сам схожу. Сейчас вот в этот двор заедем...

– Дядь Жень, я с тобой! Можно? – робко попросил Павлик, вытягивая шейку.

– Конечно, можно. О чем речь... – покладисто согласился Женя.

– Еще один джентльмен выискался, надо же... – тихо проговорила Марина. И, глянув на Павлика, спросила насмешливо: – Дамским угодником растешь, да, Павлуша?

– А как это, дамским угодником? – удивленно спросил Павлик, распахивая глаза.

– Ну, это когда мужчина сам норовит под каблук залезть, ему так удобно. Потому что он такой – ни рыба ни мясо...

Женя слегка дернул головой, помолчал, потом проговорил едва слышно:

– Ты попридержала бы при себе свое плохое настроение, Марин... К тому же при ребенке не надо...

– А что я такого сказала, что? – запальчиво переспросила Марина.

Маша незаметно положила ей ладонь на плечо, сжала слегка – не надо, мол, не заводишься. Успокойся. К тому же Женя уже въехал во двор, припарковался удачно. Повернувшись к Павлику, спросил весело:

– Ну что, идем?

– Да, дядь Жень... – радостно откликнулся Павлик.

Когда они остались в машине вдвоем, Маша спросила с укором:

– Ну что ты все время на него нападаешь, Марин? Он так любит тебя, каждое твое желание готов исполнять, каждый каприз... А ты ведешь себя как мегера!

– Ой, да ладно! – отмахнулась Марина сердито. – Учить меня будешь сейчас... Давай лекцию мне прочитай, как надо с мужем правильно разговаривать! Как реверансы делать и в глаза преданно смотреть! Поделись собственным куриным опытом, ага!

– Ну почему сразу куриным...

– Потому что ты курица. А я нет. Потому что ты обожеествляешь своего Олеженьку. На том и живешь. А я нет... Знаешь, я даже спорить с тобой не буду, кто из нас больше счастлив, Машка. Может, и я бы так мужика обожеествляла... Если б рядом со мной такой был, которого хотелось бы обожеествлять... Ты же все равно не поймешь, о чем я...

– А ты что, Женю совсем не любишь, да? Он же такой хороший... Он так тебя любит... Помнишь, как в школе он за тобой ходил? Буквально по пятам...

– Ладно, Машка, все. Не будем развивать тему. Давай лучше помолчим, а то я тебе опять нагрублю, и ты обидишься. Давай лучше помолчим!

Маша кивнула, откинулась на спинку сиденья, прикрыла глаза. И впрямь лучше помолчать, если Марина просит. Уж больно задиристые нотки слышны в этом ее «помолчим»...

Маринка всегда была задирой, ее даже мальчишки в школе боялись. И старались держаться подальше, несмотря на то что Маринка считалась первой красавицей. Все боялись к ней подойти. Кроме Жени. Он ходил за ней как пришитый, смотрел преданно. Контрольные решал в первую очередь для нее, потом уже за свое задание брался. И сочинения тоже за нее писал... Учителя все знали, конечно, и стыдили его, но ничего поделать не могли – контрольная-то Маринкина на отлично написана, не придерешься! Только однажды математичка сказала грустно, с жалостью глянув на Женью: «Пропадешь ты, Соломин, со своей преданной любовью, ой, пропадешь... Медвежью услугу своему предмету обожания делаешь, с правильного пути сбиваешь. Она ведь всю жизнь будет думать, что ей в любых отношениях все позволено! Из этого болота и вырастают настоящие стервы, которые играют мужскими головушками как мячиками. Эх ты, Соломин, Соломин...»

Женя слушал, краснел, поеживался. Готов был сквозь землю провалиться, а Маринке хоть бы что! Глядела на математичку с таким вызовом, будто хотела сказать – не надо

завидовать, мол...

Они с Катькой сидели за соседней партой, жалели Женю. Хотя и права у них такого не было, если по дружбе. Потому что Маринка им подругой была, а Женя... Женя был всего лишь рабом Маринки. Чего его на самом деле сильно жалеть, если сам на рожон лезет? Никто ж его не заставляет за Маринкой ходить!

Конечно, Маринка у них верховодила, этого не отнять. Но верховодила так непринужденно и весело, что они с Катькой с радостью подчинялись. Да и то – всегда ведь в дружбе кто-то признанным авторитетом является, как без этого? К тому же Маринка своим авторитетом не злоупотребляла, всегда умела остановиться, когда ее несло... Вот как сейчас, например. Испугалась, что может нахамить, и произнесла это спасительное «помолчим». Хотя эта грань между хамством и сохранением дружбы всегда была довольно расплывчатой – то ли есть она, то ли нет...

Так получилось, что они все росли без отцов – она, Катька и Маринка. Толклись в основном дома у Катьки: мама у нее доброй была, сама подружек дочкиных в гости зазывала. А потом мама у Катьки умерла... Они в то лето аккуратно восемь классов окончили. Катька боялась, что ее в интернат отправят, но не случилось, слава богу. Тетка у себя приютила, мамина сестра. Опекун оформила. Да только еще неизвестно, где бы Катьке лучше жилось, в интернате или под этой сердитой опекой. Даже не сердитой, а унижительной.

Помнится, Катька приходила в школу в слезах, рассказывала им на переменке:

– Представляете, девчонки, она все мои вещи обыскивает. В портфеле роется... Все хочет какие-то доказательства найти, что я... Ну, будто бы я... Ну, с парнями то самое делаю... И еще повторяет все время: «В подоле принесешь – на улицу жить отправлю! С глаз долой – из сердца вон!» Да если б у нее на самом деле это сердце было, ведь нет... Вроде мамина родная сестра, а такая злая... Может, потому у нее своих детей и нет...

Она плакала вместе с Катькой, обняв ее за плечи, а Маринка сердилась:

– Ну чего ревете-то, чего? Я думаю, надо на твою тетку куда-нибудь пожаловаться! Может, нашему директору в школе, Василию Павловичу?

– А что он может сделать, Марин? Ничего и не может... Я думаю, только хуже будет, она еще больше озлобится... – махнула рукой Катька, громко всхлипнув.

– Но ведь нельзя же это издевательство терпеть, в самом деле! Ты же не ее собственность! – снова возмущалась Маринка.

– Да я и не буду терпеть... Вот окончу школу и сразу уйду от нее. Повернусь и сразу уйду! В этот же день!

– И куда ты уйдешь, интересно?

– Ну, не знаю... Поступлю учиться туда, где студентам общежитие дают... А там видно будет...

– А после учебы куда пойдешь?

– Не знаю. Замуж выйду за кого-нибудь.

– Хм... За кого-нибудь... Хорошая постановка вопроса...

Но какая бы постановка вопроса ни была, а у Катьки все так и получилось – после школы поступила в политехнический, ушла от тетки в общежитие. А на втором курсе объявила им, что выходит замуж и будет жить с мужем у его родителей. Они вовсе не против, так-то вот...

Маринка только руками всплеснула:

– Да кто тебя гонит так рано замуж, Катька? Зачем? Боишься, что никого больше не найдешь, что ли?

– Нет, почему же боюсь... Я люблю Дениса, и он любит меня.

– Так это тот парень, с которым ты у меня на дне рождения была? Рыжий такой крепыш?

– Да, это он.

– Да брось, Катька... Он даже не симпатичный. Что ты в нем нашла? Неужели только то, что родители его тебя за свою признали?

– Да нет, Маринка! Ты не понимаешь! Я его и правда люблю! И он меня любит... Главное, он надежный, я ему верю. А еще он очень умный, вот...

– Что-то я особого ума в нем не заметила, если честно. Да и лицо у него такое... Интеллектом явно не обезображено. И вообще... Зря ты, Катька, зря. Вот я, например, замуж выйду только за настоящего крутого мужика, которого и любить

есть за что и за спиной у которого что-то имеется, а не только родительская квартира.

– Значит, бедному Женьке ничего не светит, да?

– Не-а. Не светит.

– Так скажи ему прямо об этом! Чтоб надежд не питал! Так честнее будет!

– Ничего я ему говорить не буду... Что я, с ума сошла? Пусть остается как вариант... Вдруг пригодится?

– Ой, ну какая же ты, Марин...

– Какая? Ну какая?

– Подлая, вот какая.

– Нет, я не подлая. Я рассудительная. А ты, Катька, трусливая. Ты боишься одна остаться, вот и выходишь за первого встречного. А я ничего не боюсь.

– Ага, ага... Вот держишь при себе Женю как запасной вариант. И кто ж из нас тогда больше боится, интересно?

– Да хватит спорить, девчонки... – встряла в их диалог Маша, испугавшись, что он может вылиться в ссору. – Наоборот, надо за Катю радоваться, я думаю. Если она любит Дениса, то все правильно, значит... Ведь любишь, Кать, правда?

– Люблю. Очень люблю. Я ему верю, он надежный.

– Ну, заиклилась ты на этой надежности, подруга... – тихо проговорила Марина, вздохнув. – Смотри, потом опомнишься, да поздно будет...

Через два месяца отплясали Катькину свадьбу. Скром-

ленькую, но веселую. На свадьбе Катька им объявила, что ждет ребенка.

– Ой... А родители Дениса об этом знают, Кать? – испуганно спросила Маша, схватившись за щеки.

– Конечно, знают! Они очень рады!

– И как же вы все в двухкомнатной квартире поместитесь? – насмешливо спросила Маринка, дернув плечом.

– Да нормально... В тесноте, да не в обиде. К тому же Денис хочет свой дом начать строить... Его двоюродный брат в свой бизнес компаньоном берет, так что зарабатывает, я думаю. Я ему верю, он такой... С виду скромный, но хваткий. Я ж знаю, за кого замуж иду...

– Все-таки по расчету, да, Кать? – не удержавшись, съязвила Маринка.

– Ну, пусть будет так... Пусть по расчету... Этот расчет ведь от любви идет, так почему нет? Мне жизнь другого выбора не оставила, Марин. А мой Денис, он такой... Я знаю, я ему верю. Все у нас будет хорошо...

И Катя оказалась права. Не зря верила, не зря знала. Денис раскрутился в бизнесе довольно удачно, дом для Катьки за городом отгрохал отменный. Не сразу, конечно, со временем... Катьке в то время тоже довольно трудно жилось – Денис на работе пропадал, а она одна с двумя детьми управлялась. Да, так и вышло, что с двумя. После первенца Кирюшки она ему еще и дочку подарила, прелестницу Сонечку. Теперь живут всем семейством в большом доме, в достатке,

беды не знают. И хозяйка из Катьки очень хорошая получилась, домовитая. И про подруг она не забыла. Теперь на каждый праздник они всей компанией в доме у Дениса и Катьки собираются. Маша с Олегом, Маринка с Женей...

Да, именно с Женей. Потому что так и получилось, что того самого щедрого «варианта» для Маринки не нашлось. Никто на ее красоту не позарился. К своим тридцати годам спохватилась Маринка – лучшие годы прошли, а семьи нет. Непорядок. И тогда... почему не Женя? Вот же он, всегда рядом стремится быть, всегда готов. Юношеская любовь не ржавеет, с годами только звонче становится.

– Но ведь ты не любишь его, Марин... – неуверенно проговорила Катя, когда Маринка сообщила им с Машей, что выходит замуж за Женю.

– Ну и что? Ты ведь тоже своего Дэна не любила, когда замуж выходила, признайся!

– Нет. Неправда. Я Дениса любила. И сейчас люблю. А тебе Женя нужен только для того, чтобы отметить замужем. Чтобы доказать всем что-то. Уж не знаю... что. Сейчас вроде времена другие и замужество для женщины не является тем самым пропуском в социум, как раньше. Зачем тебе Женька, Марин? Зачем? Ты ж его несчастным сделаешь...

– Можно подумать, если я не выйду за него замуж, он счастливее будет! Сами же знаете, как он меня любит! Так что пусть... К тому же у Женьки бабушка недавно померла, квартиру ему в наследство оставила. Сделаем там хороший

ремонт... Может, я и ребенка еще рожу... Годы-то идут, с фертильностью тоже нельзя заигрывать. Кто ж мне в старости тот самый пресловутый стакан воды подаст? А Женька хорошим отцом будет, я знаю.

– Ой, Марин... Ты ж не любишь его совсем...

– Ну хватит, что за манера повторять одно и то же – любишь, не любишь! Я ж не совета от вас прошу, а перед фактом ставлю, только и всего! Замуж я выхожу, понятно? Готовьтесь к свадьбе! Ты, Машка, свидетельницей будешь, поручаю тебе эту роль, гордись!

И вот уже пять лет как Марина и Женя живут вместе. Да только разве это сожителство можно назвать счастливым браком? Когда Маринка не любит, а Женя смиренно терпит ее нелюбовь? И понимает, что она все время поверх головы его смотрит – вдруг на горизонте тот самый появится, который красавец брутальный-харизматичный, да еще со всеми благами за пазухой?

Иногда казалось, что Маринка и не живет, а только к этой встрече готовится. То есть вкладывается в свой женский образ остервенело и ненасытно, пропадая в салонах, тренажерных залах и на бесконечных шопингах. Посмотришь на нее – избалованная богачка... Хотя живут они с Женей довольно скромно, потому как все заработанные деньги уходят на этот остервенело ухоженный «женский образ». А уж как бедному Жене вся эта суета достается, и говорить нечего! Приходится подрабатывать... где только возможно. Маринка на свою

скромную офисную зарплату и не надеется: она ж на работу ходит, чтоб красоту свою демонстрировать, не более того. А еще при этом и раздражается на бедного Женю, помыкает им! Жалко его...

Хотя ведь он сам такую жизнь выбрал, никто силой не загонял. Как говорит Маринка, если хочешь жить рядом с любимой женщиной, то терпи. Вот Женя и терпит. И молчит. Такой весь добрый, влюбленный, порядочный. Одно только его сильно огорчает – детей нет. Не хочет Маринка детей. Поначалу хотела, а потом передумала. Боится фигуру испортить, да и вообще... Зачем ей ребенок, если честно? Если он вдруг появится, это ведь будет означать только одно – все пути в другую жизнь закрыты. Придется тогда попрощаться навеки с мечтой, с тем потенциальным обеспеченным бруталом, которого себе вымечтала. Ведь должен он когда-нибудь появиться на горизонте, обязан просто!

Конечно, Маринка в свои мечты Женю не посвящает, это было бы уж совсем жестоко по отношению к нему. Да и вдруг он взорвется в одночасье гордостью мужской ущемленной? Ведь есть где-то у него в душе гордость, не может не быть? Не всю же душеньку одна только любовь беззаветная забрала?

Маша вздохнула, подумав про беззаветную эту любовь. Сама-то она ведь так же любит... Так же безоглядно и беззаветно. И потому прекрасно понимает бедного Женю, в душе осуждает стерву Маринку. Потому что нельзя так, нельзя! Нельзя любовь пренебрегать, совесть надо иметь!

Хотя Маринку, к примеру, бесполезно взывать к совести. Она только рассмеется в ответ, и все. Или сердиться начнет, как сейчас.

Марина, будто услышав ее мысли, вдруг проговорила раздраженно:

– Ну вот где он застрял, где? Почему так долго? Подумаешь, соленых огурцов надо купить, это ж пять минут всего!

– Да ладно, Марин... – миролюбиво произнесла Маша, улыбнувшись. – Ты же знаешь, сколько сейчас на рынке народу!

– Ага... И за солеными огурцами прям очередь стоит, можно подумать!

– Ну... Может, он еще что-нибудь решил прикупить...

– Ананасов с шампанским, что ли? Да на фига? Дэн все равно сам все купил... Они с Катькой всегда сердятся, когда мы продукты привозим, не знаешь, что ли? Вот же повезло Катьке с мужем, правда? Кто бы мог подумать, что из этого рыжего Дэна такой классный мужик вылупится? Такой добытчик?

– А тебе разве не повезло, Марин? Да Женя все готов для тебя сделать, жизнь готов за тебя отдать!

– Ой, да что мне его жизнь... На хлеб ее намазывать, что ли? И любовь эта его... Она ж меня раздражает просто ужасно! Нет, я не считаю, что мне повезло. Не считаю... Да и тебе тоже не повезло, чего уж говорить. Выходит, Катька из нас троих всех лучше в жизни устроилась, счастливый билет

вытянула.

– Интересно... А мне-то почему не повезло, а? Почему ты так говоришь? Интересно...

– Ой, да ладно! Ничего интересного, Маш. Потому что хрен редьки не слаще. Потому что мой муж размазня, а твой муж гулящий.

– Да ты... С чего ты такое взяла, Марин?! Да как ты...

– Ой, ой, не надо только кудахтать, пожалуйста! – болезненно поморщилась Марина. – Раскудахталась она... Будто сама не знаешь, что это так!

– Нет! Не знаю! И знать не хочу! Потому что это неправда! И ты тоже не можешь знать...

– Ну что ж, Машка, я тебя вполне понимаю, вполне... – сочувственно вздохнула Марина. – Между прочим, это тоже позиция – знать ничего не знаю, видеть не вижу. Вполне себе удобоваримая позиция, да. Но я бы так не смогла, уж извини. Я бы... Да я бы не знаю даже, что с ним сделала... Терпеть бы не стала, это точно!

– Марин... У тебя что, настроение совсем никудышное, да? Потому и говоришь мне всякие гадости?

– Да, настроение у меня просто ни к черту, ты права. Извини, если обидела. Ладно, беру свои слова назад, будем считать, что я ничего такого тебе не говорила. Это я на себя так злюсь, а в тебя рикошетом летит. Прости, Машка. Ты ж добрая. Прости меня, дуру злобную.

Маша хмыкнула, пожалала плечами. Вот всегда с Маринкой

так – сначала набросится, а через минуту прощения просит. Американские горки, а не дружеские отношения, ей-богу.

– А чего настроение-то плохое, Марин? – переспросила почти автоматически.

– Да так... Долго рассказывать, в общем... Но если в двух словах...

Маринка не успела ничего объяснить – в сумочке у нее зажужжал вызовом телефон. И тут же пальцы ее торопливо принялись терзать молнию на сумке, так дрожали при этом, что Маша поняла – очень уж сильно ждет Маринка этого звонка, очень уж сильно нервничает. И даже лицо ее вмиг изменилось, когда выудила из сумочки телефон и глянула на дисплей. Поплыло лицо, размякло, губы дрогнули радостью. И голос тоже поплыл...

– Да, здравствуй... Да, могу говорить... Ты почему так долго не звонил, я ж думала, с ума сойду! Да, да, любимый... И тебя с наступающим... Когда? Да когда скажешь... И я тоже очень соскучилась... Да, уже успела, представь! Да, буду ждать твоего звонка, очень буду ждать. И я тебя целую, да...

Маринка нажала на кнопку отбоя и тут же потянулась всем корпусом, как сытая довольная кошка. Маше показалось даже вот-вот замурлыкает от счастья. Сидела, молчала озадаченно, не в силах спросить: что это такое было сейчас?

Но Маринка сама ее спросила насмешливо:

– Ну, чего ты не любопытничаешь, Маш? Неужели тебе неинтересно, с кем я сейчас говорила? Опять интеллигент-

ской неловкостью маешься, да?

– Ну, можно и так сказать, Марин...

– А ты спроси, не стесняйся! Мы ж подружки с тобой! Должны же мы делиться секретами как подружки?

Повернув голову к Маше, Марина глянула на нее хитренько, улыбнулась. И проговорила почти шепотом, с радостным придыханием:

– Это мой любовник, Машка... Классный мужик... Мой шеф, между прочим. Он всего месяц у нас на фирме объявился, все девки сразу на уши встали – такой мужик! У нас ведь куча молодых телок, а он... А он меня из всех выделил, только на меня глаз положил. И у нас уже все было, Машка, все было! Что, осуждаешь меня, да? А ты не осуждай. Должна же была я когда-нибудь влюбиться по-настоящему! Да я ж на все готова ради него... Зовет – я бегу сломя голову... Хоть куда! Хоть в мотель, хоть на съемную хату... Ой, да я даже представить боюсь, что дальше будет! Вернее, сглазить боюсь... Ну что, что ты сидишь с такой кислой рожей, Машка? Ты радоваться за меня должна, а ты...

– А как же Женя, Марин? Что будет, если он узнает?

– Господи, Машка, что ты клуша такая, ей-богу! Раскудахталась опять – как Женя, как Женя! Да никак! Вот он, кстати... Легок на помине... Не прошло и часа, как за солеными огурчиками сходил!

Маша повернула голову, увидела, что Женя и Павлик уже подходят к машине. Вот и дверь Женя открыл, впуская на

заднее сиденье Павлика, морозный воздух прокрался в салон, остудил Машины горячие щеки. А Маринка уже говорила весело с мужем, будто играючи:

– Ну что, все в порядке, Жень? Вы чего так долго ходили? Мы тут с Машкой успели соскучиться... Давайте уже поедем, там Катька с Дэном заждались нас...

Маша глаза распахнула от удивления – так сильно поменялись интонации Маринкиного голоса. Куда-то вмиг подевалось все давешнее недовольство – чудеса да и только. Вот что голос любимого мужчины делает – животворящий для Маринки голос-то...

И бедный Женя тоже улыбнулся довольно – любимая же-нушка с плохим настроением справилась! Вот радость-то...

* * *

– Ну наконец-то! – проворчал Денис, выходя на крыльцо. – Я уж думал, вы и к двенадцати не доберетесь! Шевелитесь, нам еще елку во дворе нарядить надо!

– А разве у вас на участке елка есть? – удивленно спросила Маша, выбираясь из машины. – Вроде не было никакой елки!

– Ну, не елка, допустим... Но мы вон ту сосенку нарядим, тоже красиво будет! Давайте, давайте... шевелитесь!

– А что, раньше нельзя было эту сосенку нарядить? – недовольно спросила Марина, выбираясь из машины.

– Да что, Маринка, это ж самый кайф – чтобы всем вместе наряжать! – рассмеялся Денис, подавая ей руку. – Это ведь Новый год, это традиция! Чтобы всем вместе, на морозце, да под рюмочку водочки, да под соленый огурчик... Кстати, вы про соленые огурчики не забыли, надеюсь?

– Нет. Не забыли. А только чихать я хотела на традиции, Денис, я в тепло хочу. Давай так – девочки пусть на кухне хлопчут, а мальчики будут елку наряжать! То бишь сосну! Кухонные предновогодние хлопоты – это ведь тоже традиция, правильно?

– Пап, я тоже буду сосну наряжать! Я ведь мальчик! – услышали они от крыльца голос Кирюшки, который уже бежал навстречу Павлику, радостно улыбаясь. Подбежав, спросил озадаченно:

– И где твой папа, Паш? Его нету, что ли?

– Он... Он позже приедет... – тихо пояснила мальчику Маша, быстро глянув на Марину.

Но та и не смотрела в ее сторону. Выбравшись из машины, раскинула руки в стороны, потянулась томно:

– Как же хорошо у вас тут... Воздух свежий... И участок, и дом как на картинке из глянцевого журнала. Живет же буржуазия, да, Маш? Нам бы с тобой так пожить...

– Да, хотелось бы... – тихо ответила Маша. – А воздух какой... правда! Прямо счастьем пахнет! Семейным...

– Не сглазь, Маринка. Не сглазь... – быстро махнул рукой Денис. И скомандовал тут же: – Ладно, девчонки, идите в

дом! Там Катя вас уже заждалась! И поглядывайте в окно, как мы с мужиками будем елку наряжать! И завидуйте! А еще потом сюрприз будет, между прочим!

– Да знаем мы ваши сюрпризы... – беззлобно проворчала Марина. – Натыкаете по всему участку хлопушек и фейерверков, и они начнут бабахать ровно в двенадцать часов! Знаем, знаем... Нас уже ничем не увидишь. К тому же вашими детскими радостями.

– Не ворчи, Маринка. У тебя что, настроение сегодня плохое?

– Ну что ты, Денчик, что ты! Настроение у меня замечательное! Просто блеск, а не настроение! Правда, Маш? – обернулась она к Маше, заговорщицки подмигнув.

Маша только плечами пожала, направляясь к крыльцу. Вовсе ей не нравилось это подмигивание, заговорщицкий тон не нравился. Еще не хватало, чтобы и с Катей Маринка своими подлыми секретами начала делиться, вот в чем дело!

Но Маринка и не собиралась, похоже. Да и некогда было – Катя сразу их пристроила к делу. Маринке поручила посуду на праздничном столе расставить, а Маше овощи для салата резать.

Втроем они быстро справились и присели за кухонный стол отдохнуть. Катя достала бутылку коньяка, предложила с улыбкой:

– Давайте по разминочному рюмашу опрокинем, девчонки? Не против?

– О, давай! – тут же согласилась Маринка.

– Может, лучше вина? – робко спросила Маша, с испугом глядя на бутылку.

– Да ладно тебе, Маш! – вдруг рассердилась Маринка. – Вечно ты все испортишь, ей-богу! Вот всегда ты занудой была скучно правильной! Я удивляюсь, как это Олег рядом с тобой до сих пор с тоски не помер! Вернее, нисколько не удивлюсь, если...

– Марин! Прекрати! – сердито осадил ее Маша, осторожно глянув на Катю. – Прекрати, слышишь?

– А я что, я ничего... Я же просто так сказала... – хлопнула длинными и искусственно густыми ресницами Марина.

Катя глянула на них озадаченно, спросила осторожно:

– А в чем дело, девчонки? Я что-то не знаю, да? Как-то вы странно между собой общаетесь... Или мне показалось?

– Показалось, Катюха. Наливай лучше... Не бери в голову, все в порядке... Ой, смотри, мужики и впрямь сосенку на участке нарядили! А красиво как! Будто настоящая елка, вся огоньками светится! Странно, почему мы раньше никогда эту сосну не наряжали? Молодец, Денис, классно придумал...

– Да, красиво... – тоже глянула в окно Катя. – И дети все в снегу вывалялись, не замерзли бы... Смотрите, как Женя с ними носится! И тоже весь в снегу...

– Ну, меня это не удивляет, – раздраженно махнула рукой Марина. – Мой муж, он же и сам как дитя малое. Такой же

наивный, ей-богу.

– Он не наивный, Марин... Он у тебя очень искренний. Жаль, что ты этого не ценишь, очень жаль. Нынче искренность воспринимается как что-то стыдное и неловкое, а жаль...

– Ну да... Ею ведь сыт не будешь, Катя. Если б была такая возможность, я бы поменяла мужнину искренность на суровую деловитость, да только нет у меня такой возможности, ничего не поделаешь.

– Так деловитость тоже не исключает искренности, Марин... – тихо возразила Катя, поворачивая в пальцах ножку рюмки. – И доброты не исключает... Просто ты на своего Женю под каким-то странным углом смотришь, ты ему развернуться не даешь, вот в чем дело. Не любишь, не веришь в него... Может, вам все-таки ребеночка завести, а, Марин? Это многое бы поменяло...

– Тебе надо, ты и заводи! – неожиданно сердито откликнулась Маринка. – Можешь третьего завести, можешь четвертого, давай! Есть ведь кому их кормить, правда? А мне... Я Женькину искренность и доброту на хлеб не намажу, уж извините... Не будем развивать тему, наливай еще! Я сегодня напиться хочу... Новый год все-таки!

Маринка подставила рюмку, и Катя наполнила ее до краев. Себе плеснула чуть-чуть, а Маша категорически отказалась:

– Нет, мне не надо больше! И так голова уже побежала...

Я как-то коньяк не очень могу, девчонки, вы ж знаете. Я от него совею, как Мюллер.

Едва Катя и Маринка успели выпить, как открылась в прихожей дверь и послышался голос Кирюши:

– Мам, ты где? Представляешь, мам, мы с Павликом три раза дядю Женю в снег завалили! И не думай, он нам специально не поддавался, нет! Можешь у папы спросить, мам!

– Да тихо ты, Сонечку разбудишь... Кричишь на весь дом! Я специально ее пораньше уложила, чтобы она к двенадцати проснулась! Иначе потом обижаться будет, что Новый год с нами не встретила!

Пока суетились, время незаметно подошло к одиннадцати. Пора было садиться за стол, но не садились из молчаливо неловкой солидарности по отношению к Маше – ждали Олега. И Маша чувствовала эту солидарность, страдала от нее, не хотела ее вовсе... Еще и Павлик застыл у окна, вытянув шейку, тоже отца ждал. И наконец закричал радостно:

– Приехал! Папа приехал! Ура! Мам, что ты стоишь, папа же приехал!

– И правда, что ты стоишь? – тихо и насмешливо проговорила Марина, проходя мимо. – Пляши от радости, чего ты... Приехал же все-таки, ну? За сорок минут до боя курантов успел... Ай, молодец какой! Остается только с цыганским приплясом всем вместе его встретить – «к нам приехал, к нам приехал наш Олежек дорогой!»

Маша ничего ей не ответила. Что она могла ответить? От

напряженного ожидания у нее даже сил не было огрызнуться. Развернулась молча, пошла встречать Олега в прихожую.

Он вошел в дверь – улыбочивый, большой, красивый. Обнял ее мимоходом, потом подхватил на руки подбежавшего Павлика.

– Простите за опоздание, народ! Так получилось, простите! А вы почему все еще трезвые, не пойму? Что, и за стол не сядились? Ну, это вы зря...

– Да вот и я думаю, что зря... – многозначительно проговорила Маринка, глянув на него насмешливо. – Не стоишь ты такой чести, Олежек, ох не стоишь!

– А ты, Мариша, как всегда, в своем репертуаре? Язвись помаленьку, да?

– Отчего ж помаленьку? Я и не помаленьку могу... Заказывай, а я уж постараюсь...

Уселись за стол, выпили за год уходящий. Потом еще выпили, закусили. Потом начали обмениваться подарками, охать и ахать восхищенно, чуть преувеличенно. Как всегда... Хотя это «как всегда» ни для кого не бывает обыденным, потому что особенный праздник все-таки!

Под бой курантов и радостный женский визг открыли шампанское, выпили, перецеловались душевно. В такие моменты кажется, что в жизни у всех присутствующих складывается все хорошо, все счастливы одинаковым радостным возбуждением. И любят друг друга все, все... Жены любят мужей, мужья любят жен, подруги любят подруг... И как

жаль, что это ощущение всего лишь временное. Обманчивое. Что совсем скоро оно уплывет, как песок сквозь пальцы...

А пока все хорошо, да. Пока праздник. Танцы, веселье, шутки. Фейерверк во дворе, щеки покрасневшиеся охватывает морозцем. И опять танцы, конкурсы смешные, на которые так неистощим неугомонный Денис... И уже ночь близится к концу, а усталости вроде и нет. Всем весело, всем смешно...

Маша заметила вдруг – Олег исчез куда-то. Наверное, вышел на крыльцо покурить. Увидела, что Маринка накинула на себя шубу, проговорила быстро:

– Марин, погоди! Я с тобой. Мне тоже подышать захотелось.

Вышли из дома, спустились с крыльца. Марина прикурила сигарету, выпустила первую струю дыма, подняла голову:

– Красиво как... Посмотри, Маш, звезды какие...

Маша тоже подняла голову и вдруг из-за угла дома услышала голос Олега. И удивилась – с кем он там разговаривает? Вроде все в доме... Или он по телефону с кем-то говорит?

Марина тоже прислушалась. Даже сделала нетерпеливый жест в ее сторону – тихо, мол, замри... А голос Олега звучал все явственнее, все громче:

– Малыш, ну прекрати, не обижайся, слышишь? Я тебе обещаю, просто клятвенно обещаю, что следующий Новый год мы будем встречать вместе с тобой! Ты же знаешь, как

я тебя люблю. Потерпи еще немного, все будет хорошо, малыш! Да, я обещаю...

Маша вдруг почувствовала, как сильно закружилась голова. И в груди стало так больно, будто там оборвалась натянутая струна и звенит, звенит... По всему телу болью звенит. И дышать трудно. И одна только мысль в голове той же болью бьется – нет, нет, это ей все показалось сейчас! Ничего она не слышала, ничего не было! Нет, нет! Нужно срочно повернуться и убежать в дом, забыть... Это ей показалось, это голос Олега ветер обманный принес! А на самом деле он сейчас в доме!

И даже поверила бы самой себе, если бы не услышала, как Маринка произнесла грустным шепотком:

– Ну вот, Машка... Что и требовалось доказать... Зря ты со мной потащилась, надо было в доме остаться. Не знала бы пока ничего, пожила бы еще какое-то время в иллюзиях...

И опять Маша ощутила в себе это звон – уже нестерпимый. Резко повернулась, убежала в дом. Хотя ей показалось, наверное, что она бежит. На самом деле плелась, едва перебирая ногами. И не увидела уже, как Олег вышел из-за угла дома, как увидел Марину с сигаретой в руке. Растерялся, спросил довольно грубо:

– Ты что здесь делаешь, а?

– А ты не видишь? – в той же грубоватой тональности ответила Марина. – Не видишь, что я курю?

– Да? А я думал, ты подслушиваешь...

– Да больно надо! Хотя... Ты так яростно беседовал с неведомым малышом, что поневоле пришлось подслушать. Не мог подальше отойти, что ли? Или просто сообщение малышу написать? Обязательно было орать на всю округу, да?

– И что? Мало ли, с кем я беседовал? Тебе-то что?

– Да мне-то как раз по фигу... А вот Машке твоей... Она рядом со мной стояла, все слышала. Она ведь любит тебя, идиот. А ты... Она же все слышала...

– И что? – снова повторил Олег свой дурацкий вопрос. И, видимо сам понимая, как глупо он звучит, с досадой пнул ногой снежную бабу, которую давеча с таким удовольствием сооружали Кирюша и Павлик.

– Да ничего... – пожала плечами Марина, бросая окурок в снег. – Просто слышала, вот и все. Считай, что ставлю тебя перед фактом, а что ты будешь с этим фактом делать, я не знаю.

– А тебе и не надо знать. Я сам разберусь.

Олег повернулся и быстро зашагал к крыльцу, будто сбегал. Марина поправила накинутую на плечи шубу, произнесла ему вслед насмешливо:

– Ну-ну... Разбирайся, что ж...

Он застал Машу в прихожей. Она сидела на низком пуфике, скрючившись, как от боли. Подошел, протянул руку, проговорил тихо:

– Только давай не при всех, ладно? Потом поговорим, я все объясню... А сейчас пойдем танцевать, Маш. Я тебя при-

глашаю, ну? Давай руку...

– Танцевать? – хрипло спросила она, поднимая к нему бледное лицо. – Ты хочешь сейчас танцевать?

– Ну да... Вставай, вставай же, Маш...

Она послушно ухватила за его протянутую руку, поднялась тяжело. Олег обнял ее за плечи, повел в гостиную, под знакомую мелодию «Скорпионс» они принялись танцевать. Олег даже подпевал Клаусу Майне автоматически: «Мейби ай, мейби ю...»

Грустный это был танец. Никчемный. И слова песни совсем не укладывались в то, что сейчас происходит. «Может, я, может, ты сможем изменить этот мир...»

Маша снова содрогнулась от боли – какое там изменить! Как этот мир изменить, если он рушится на глазах? Мир ее счастья, ее любви... Господи, да никаких сил нет танцевать, сил нет перебирать ногами под эту грустную музыку! И руки Олега сейчас кажутся такими тяжелыми, такими холодными... А испуганное сознание упорно почему-то воспроизводит перевод английских фраз, будто становится еще больнее. «Может, я, может, ты сможем найти ключ к звездам. Поймать дух надежды, спасти одинокую пропадающую душу».

Господи, какой там ключ к звездам! Кого спасти! Как спасти, если... Если душа и впрямь пропадает, мечется сейчас в истерике? И какое же мучение – этот проклятый танец... Надо прекратить его немедленно, к чему этот фарс! Вот и Маринка застыла в дверях гостиной, смотрит на них удивлен-

но и насмешливо. Хотя это и не насмешливость вовсе, это жалость. Катя и Денис на них смотрят. И Женя... Наверное, они тоже все видят, все понимают. Надо прекратить, да...

Повернулась, чтобы выскользнуть из рук Олега, и не увидела, как бусы зацепились за пуговицу на его пиджаке. Только почувствовала, как ожгло шею. И тут же увидела, как вспыхнули в свете люстры брызнувшие во все стороны камешки, светло-сиреневые аметисты. Красиво, наверное... Будто капли слез. Вот они прыгают по паркету, разбегаются в разные стороны. Ну и пусть, пусть...

И больше не смогла держать в себе слезы, всхлипнула почти истерически, рванула к лестнице на второй этаж, побежала вверх, путаясь в длинном подоле платья. На самой верхней ступеньке и впрямь чуть не упала, каким-то чудом удержалась на ногах, ухватившись за перила. Оглянулась...

Все стояли в растерянности, смотрели ей вслед. Выражения лиц она не разглядела сквозь мутную пелену слез. Да и зачем было разглядывать... Неважно уже, неважно!

С трудом нашла дверь в гостевую комнату, куда давеча уложила Павлика. Он спал, отвернувшись к стене и положив ладошки под голову. Легла рядом с ним, обняла осторожно. И тут же убрала руку – вдруг он проснется... Ведь надо будет ему объяснять как-то свое состояние! Напугает еще...

Уткнулась лицом в подушку, чтобы заглушить неуправляемое рыдание. Но как, как его удержишь-то? Как? Только бы Павлика не разбудить, только бы не разбудить...

Услышала, как тихо открылась дверь, подняла от подушки голову. Увидела, что возле кровати стоят Маринка и Катя. Всхлипнула, махнула рукой – уйдите, уйдите, пожалуйста!

– Маш... На вот, выпей... Тут успокоительное, тебе надо... – услышала испуганный Катин голос.

Помотала головой, снова уткнулась лицом в подушку. Маринка села рядом, слегка подвинув ее на кровати, проговорила быстрым шепотком:

– Ну все, хватит рыдать, Машка! Не стоит он этого! Плюнь! Ну что ты, ей-богу, на помойке себя нашла, что ли? Прекрати сейчас же, слышишь?

– И правда, Маш... – тихо поддержала ее Катя. – Возьми себя в руки, не надо... Пойдем лучше вниз, а? Посидим еще, выпьем... Или прогуляемся по морозцу? Хочешь?

– Нет, девчонки... Я не хочу... Не могу... Простите, что праздник вам порчу, но не могу... Сами ж понимаете, каково мне сейчас...

– Да понимаем, конечно же понимаем! Сволочь твой Олег, что тут еще можно сказать! Настоящая сволочь! И хорошо, что он уехал...

– Уехал? Куда? – сквозь слезы переспросила Маша.

– Да откуда ж мы знаем... – горестно пожала плечами Катя. – Дэн к нему сразу с вопросами пристал, когда ты наверх убежала, а он... Он и ему нагрубил – мол, не твоего ума дело.

– Как же он поехал, Кать? Он же выпил... Он много выпил... Он же разобьется... Надо же остановить его, вы что!

Надо ему позвонить – пусть возвращается!

– Нет, вы посмотрите на нее, а? – возмущенно прошептала Маринка, всплеснув руками. – Она еще о нем же и волнуется! Этому гаденышу на нее наплевать, а она беспокоится, что он пьяным за руль сел!

– Но как же, Марин... Как же ты не понимаешь...

– Да все я понимаю, чего уж. Не переживай, он такси вызвал. Он цену своей драгоценной жизни знает, гаденыш! Сказал, что завтра машину заберет... Ну зачем, зачем ты так убиваешься, Маш, скажи? Было бы о ком...

– Она же любит его, Марин... – тихо заступилась за Машу Катя, положив ей на плечо руку. – Очень любит, понимаешь? Да что я тебе рассказываю, ты и сама знаешь, как она его любит...

– Да уж... Любить подлеца – тяжкое наказание для бабы. Согласна. И тут уж ничем не поможешь, только посочувствовать можно. Но я думаю, что он остынет к утру... Съездит к своей бабенке, романтики нахлебается под завязку да к Машке под бочок и вернется. А она простит, что ж... Она ж любит...

Под их тихий шепоток Маша чуть успокоилась, и сразу потянуло в спасительный сон. И даже легче после Маринкиных слов стало, хоть они и прозвучали с явным сарказмом. Да пусть, пусть... Пусть он будет, этот сарказм, уже не так важно. Может, и впрямь к утру все образуется, все улетит в небытие как страшный сон...

Катя и Марина еще посидели рядом с подружкой немного, потом пошли вниз. И Маша уже не слышала, о чем они говорят.

– Ну как она? Успокоилась? – деловито спросил Денис. – Уснула?

– Да, уснула... – вздохнула Катя. – А что Олег сказал, он и правда утром приедет? Как он все объяснил вообще?

– Да никак не объяснил. Сказал, что Машка шампанского перепила, вот ей и показалось что-то такое... Или послышалось... Или не так поняла...

– Ну да, ну да... Конечно же, не поняла. Конечно же, слышалось, – хмыкнула Маринка, насмешливо глянув на Дениса. – И вообще, ребят... Не наше это дело, они сами меж собой разберутся. Давайте лучше выпьем, а то у меня уже голова разболелась! Шампанское еще есть?

– Полный холодильник... – мотнул головой Денис в сторону кухни.

– Так наливай! Что у нас вообще, Новый год или поминки? Наливай... До позднего утра гулять будем! Плохо, конечно, год начинается, но посмотрим... Может, все образуется еще!

* * *

Олег приехал на другой день к обеду. Вошел в дом и, не обращая внимания ни на кого, проговорил сухо:

– Маш, собирайся... Домой поедем. Где Павлик?

– Так он у Кирюши, в его комнате... – растерянно проговорила Маша.

И провела глазами по лицам друзей. Так, будто искала поддержки. Будто спрашивала – что мне теперь делать-то?

Все отвели глаза. Да и какой поддержки она ждала, интересно? Неужели думала, что все набросятся на Олега с кулаками? Смешно... Это ж понятно, что самой придется решать, как поступить. Если бы еще силы для таких решений вдруг появились... Злые гордые силы вместо жалких слез.

И все же Катя пришла ей на помощь. Почувствовала ее растерянность, наверное. Проговорила немного суетливо, вставая из-за стола:

– Да чего сразу домой, Олег... Садись за стол, праздник же... Смотри, какие шашлыки Денис сотворил! Он же старался, колдовал над ними... Садись, попробуй!

– Нет. Некогда мне. Дел много. Кому праздник, а кому работа, – сухо ответил Олег, требовательно глядя на Машу. И снова проговорил нервно: – Маш, собирайся! Или я один уеду!

– Оставайся, Машка... – тихо предложила Марина. – Мы с Женей вечером домой собираемся и тебя заберем...

– Нет, я поеду! Извините, ребята, но... Мама там одна дома, ее ж тоже нужно поздравить... Она наверняка нас ждет, стол накрыла... – виновато улыбаясь, поднялась Маша из-за стола.

В глаза она никому больше не смотрела. Знала, что увидит в этих глазах. Жалость к себе увидит пополам с презрением. Да она и сама себя презирала в этот момент... Только презрение это было немного радостным – Олег же за ними с Павликом приехал! Значит, не случилось ничего того страшного, о чем она плакала всю ночь! Он приехал, он ведет себя так, будто ничего не было! Можно вздохнуть с облегчением – жизнь продолжается, пусть и немного ущербная жизнь... Но главное – продолжается!

И пусть друзья ее осудят, пусть. За безволие, за бесхарактерность. За преданную любовь. За подлую женскую трусость. Если у них на это сил станет – пусть осудят. Главное – жизнь продолжается, можно отойти от края той пропасти, в которую заглянула сегодняшней слезной ночью! Невыносимой ночью...

Прощание вышло скомканным, неловким. И Павлик не хотел ехать, смотрел на родителей удивленно – чего так рано-то? Обещали же на два дня...

Когда выехали за ворота, Олег проговорил сухо:

– Жалеешь, что не осталась, да? Но я особо и не настаивал, могла бы и вечером с Женей уехать... Конечно, в хоромах приятнее, чем дома, я ж понимаю!

– Но почему сразу в хоромах, Олег? Просто у ребят очень хороший дом... Удобно устроенный... – миролюбиво произнесла Маша.

– Ну да, ну да. Хороший, конечно. Кто ж спорит. Навер-

ное, завидуешь им, да?

– Нет, не завидую... Вовсе нет...

– Да я знаю, что завидуешь. Потому что у нас с тобой никогда такого дома не будет. И не потому, что я не смогу его построить... Я бы тоже мог, если бы у меня основа была... Было бы на чем подняться... Ведь нет! Живу в твоей квартире как жалкий прихвостень...

– Ну зачем ты так говоришь, Олег? Глупости какие говоришь! – удивленно глянула на него Маша.

– Почему же глупости? Нет, вовсе не глупости. Думаешь, я ничего не понимаю, что ли? Ни гроша за душой у меня не было и нет, а ты меня пригрела и осчастливила? Думаешь, я тебе должен быть всю жизнь обязан и благодарен, да?

– Да чем ты обязан, ничем ты не обязан... – снова тихо проговорила Маша, но Олег, казалось, уже не слышал ее, продолжал сердито:

– Ведь ясно же, что твои Катя и Денис не сами по себе к такому раскладу пришли! Явно же без родительской помощи не обошлось, ведь так? А с помощью каждый дурак поднимется, это понятно! Мне вот никто никогда не помог, ни копейкой... Сам пробиваюсь так, как могу! А только что я могу? За меня ж никто не похлопочет, дорожку передо мной не расчистит, как другим! И соломки не подстелет, если вдруг падать начну! У нас на фирме кадровые перестановки недавно были, и что? Думал, меня начальником отдела назначат, я столько лет работаю... Ага, как бы не так! Со стороны како-

го-то идиота взяли, который не смыслит ни черта! А почему взяли? Потому что у него волосатая рука есть, которая его продвинула! А мне фигу с маслом показали! Ну как, как я должен ко всей этой несправедливости относиться, скажи? Если б ты знала, как я устал, как мне все это надоело... Да только ты ведь и знать не хочешь, тебе все равно... Я рядом с тобой изо дня в день как жалкий прихвостень, а ты и рада...

Олег расходился гневом все больше, и Маша сидела, втянув голову в плечи, смотрела прямо перед собой. Павлик на заднем сиденье тоже помалкивал.

И в то же время она понимала подоплеку этого неожиданного мужниного гнева. И даже не гнева, а нападения. Нападающий ведь всегда в более выигрышной позиции находится, потому что нападать проще, чем за что-то оправдываться. Или объясняться. Но ведь она и не заставляет его оправдываться, зачем же он так... Она даже еще ни одного вопроса ему не задала...

– Я не знала, что у тебя неприятности на работе, Олег, ты же мне ничего не рассказывал, – произнесла тихо, пожав плечами.

– А если бы рассказал, что бы это изменило? У нас бы все появилось, как у твоих Кати и Дэна? Золотой дождь на нас сразу свалился бы, да?

– О чем ты, какой золотой дождь... Между прочим, Катя и Дэн сами всего достигли, им никто не помогал.

– Ой, да откуда ты знаешь, господи?

– Я знаю, Олег. Ты забыл, наверное, но мы с первого класса вместе... У Кати мама рано умерла, она с теткой жила, потом в общежитии... Ничего у нее не было. Кроме стипендии. И у Дэна родители скромные: папа инженер на заводе, мама чертежница. Они все вместе в двухкомнатной квартире ютились. Дэн сам этот дом построил, с нуля начинал... Практически на пустом месте.

– Понятно, понятно... Ты хочешь сказать, что я тупой, да? Что я не смог так же с нуля начать? Живу в твоей квартире, хлеб твой зазря ем?

– Олег! Ну зачем ты опять так, не понимаю?

– Как, Маша? Как? Разве я не прав, скажи?

Маша снова оглянулась на Павлика – тот сидел, уткнувшись в телефон и втянув голову в плечи. Так вдруг жалко его стало... Ну вот зачем, зачем ребенку слышать все это? Неужели Олег сам этого не понимает?

Хорошо, что у нее телефон зазвонил, можно отвлечься хоть ненадолго, выйти из этого мучительного диалога.глянула на дисплей – мама звонит...

– Да, мам! Слушаю!

– Доченька, с наступившим тебя! И Олега, и Павлика! Счастья вам, родные мои... Вы как, надолго еще в гостях останетесь? Когда вас домой ждать? Завтра? Или сегодня к вечеру?

– А мы уже едем, мам... Через полчаса дома будем.

– Как через полчаса? Да вы что? Ой, я же не успею стол

накрыть... Я думала, вы позже приедете! Ой, господи... Тогда я сейчас, я быстренько! Соображу что-нибудь на скорую руку...

– Да не суетись, мам... Мы только из-за стола встали, мы не голодные.

– Ну как же... не суетись! Надо же посидеть по-человечески, праздник все-таки! Ладно, я сейчас быстренько все сделаю, мне только мясо в духовку поставить и салаттики нарезать... Все, жду, мои дорогие! Жду!

Голос у мамы был радостный, и Маша даже слегка позавидовала этой ее радости безмятежной. И вздохнула тихо, убирая телефон в карман куртки.

Оставшееся в дороге время прошло в молчании, прерываемом тихой руганью Олега по поводу «ослов за рулями» и «баб, которые не умеют ездить, а все туда же». Еще и пробке при въезде в город досталось – мол, «дома в праздник надо сидеть, а не мотаться туда-сюда!».

Маша, выйдя у подъезда из машины, ощутила себя окончательно разбитой. И в то же время боялась, что Олег опять скажет про «дела» и уедет. Она уже ничего не понимала, не соображала ничего. Земли под ногами не чувала. Еще и бессонная ночь сказывалась, снова хотелось поплакать.

Мама открыла им дверь – веселая, раскрасневшаяся от плиты. Обняла Павлика, расцеловала в щеки. Глянула на Олега, на нее... И тут же сникла, и радостная улыбка сменилась настороженностью. Слава богу, не стала с расспросами

приставать, лишь проговорила тихо:

– Маш, ты бледная такая... Замерзла, наверное... Раздевайтесь быстренько, и за стол! И мясо аккурат подойдет... Вкусно должно получиться, я в него розмарин добавила... Олежек, ты же любишь с розмарином, правда?

– Да, Татьяна Петровна, спасибо, – натужно улыбнулся Олег, снимая куртку.

– Ой, Олежек, я ж тебе подарок приготовила! Вчера-то не смогла подарить, давай хоть сейчас поздравлю по-человечески! Пойдем, я покажу... Я тебе свитер сама связала! Примерь, пожалуйста, прямо сейчас, ладно? Пойдем в мою комнату, он там...

Олег нехотя пошел вслед за тещей, не удосуживаясь убрать досаду с лица. Маша тоже отправилась вслед за ними, стояла в дверях комнаты, смотрела, как мама крутится вокруг Олега, как любовно оглаживает на нем новый свитер:

– Ой, Олеженька... Да как хорошо сидит на тебе, надо же! Отлично подошел... А как идет тебе, как идет! Ты у нас такой красавец... И фигура такая – все сразу идеально садится, не придерешься...

– Подлецу все к лицу, да, Татьяна Петровна? – с усмешкой спросил Олег, быстро глянув на Машу.

– Ну зачем ты так, Олеженька... – улыбнулась мама, преданно глядя Олегу в глаза. – Ты у нас лучше всех, ты ж знаешь, как мы тебя любим! И Маша любит, и я, как родного сына...

Олег только хмыкнул в ответ. И это хмыканье можно было принять по-всякому – то ли не верю, мол, в любовь вашу, то ли можете любить, я вам позволяю... Мама глянула на Машу растерянно, будто хотела спросить – что это происходит с любимым зятем? Почему с таким плохим настроением домой вернулся?

Маша отвела глаза, а мама принялась хлопотать суетливо: – За стол, дорогие мои, за стол... Как хорошо, что я успела стол накрыть к вашему приезду! Машенька, доставай вино! А может, лучше шампанское? Я и шампанское тоже купила...

– Я пить не буду, – твердо проговорил Олег, направляясь на кухню. – Сейчас быстро перекушу и поеду. У меня еще куча дел на сегодня.

– Так праздник же, Олеженька... – растерянно проговорила Татьяна Петровна, семена вслед за ним. – Сегодня ж не работает никто, что ты...

– А моя работа праздников не знает, Татьяна Петровна. Волка ноги кормят. Поеду в офис, бумаги разберу. Ничего до Нового года не успел толком.

Он и впрямь быстро встал из-за стола, деловито глянув на часы. И вышел из кухни с озабоченным выражением лица. В наступившей тишине Павлик проговорил тихо:

– Я наелся, бабушка... Можно я пойду кино по телевизору посмотреть?

– Иди... – так же тихо откликнулась Татьяна Петровна.

Когда Павлик ушел, повернулась к дочери, прошептала быстро:

– Маш, ну чего ты сидишь? Иди проводи мужа...

Маша только плечом дернула и нервно ухватила за бокал с вином, покрутила его в пальцах. И осталась сидеть за столом. А когда услышала, как в прихожей захлопнулась за Олегом дверь, припала к бокалу, осушила его с жадностью.

Татьяна Петровна смотрела на нее с удивленным испугом. Потом спросила:

– Вы поссорились, что ль, не понимаю?

– Нет, мам. Не ссорились мы. Все в порядке.

– Но как же не ссорились, я же вижу! Меня не обманешь! Олег сам не свой, будто его подменили! Чем ты его обидела, Маш?

– Я? Обидела? – с нервным смешком переспросила Маша. – Разве я могу кого-нибудь обидеть, мам? Ты можешь себе такое представить вообще?

– Но тогда почему он такой? Ведь есть же какая-то причина у человека для плохого настроения!

– А почему ты про мое настроение не спрашиваешь, мам? А может, оно у меня хуже некуда? Ведь я твоя дочь, и мое настроение тебя больше должно тревожить!

– Да, конечно... И твое тоже... Но я ведь Олега как сына родного люблю! Он прекрасный человек, он семьянин, он так старается, чтобы в семье все хорошо было...

– Да, он очень старается! – снова нервно рассмеялась Ма-

ша. – Он так старается, просто слов нет!

– А я не понимаю вот этого твоего сарказма... Чем ты недовольна, скажи? Или Маринка опять на тебя плохо влияет? Она сама помыкает мужем, сделала из него тряпку безвольную. И хочет, чтобы ты такой же была? Вот никогда мне твоя Маринка не нравилась, никогда! И ты уже не маленькая девочка, чтобы под ее влияние попадать! Да она же... Она же просто завидует тебе, дуручка! У тебя такой муж... Такой умница, такой красавец... Не то что ее малохольный Женя!

– Она вовсе не завидует мне, мам. Наоборот, она мне сочувствует.

– Тебе? Сочувствует? Да не смеди...

– А мне вовсе не до смеха сейчас. Мне плакать хочется, а не смеяться. И вообще, не хочу больше говорить об этом... И не спрашивай меня ни о чем, пожалуйста! Я не могу, не могу... Не могу говорить...

Маша с трудом сглотнула слезный комок, дрожащей рукой схватила бутылку, налила себе вина, выпила залпом. Мама только охнула испуганно:

– Да что с тобой, дочь? Не пугай меня... И без того с утра сердце не на месте, тахикардия опять разыгралась! Врач говорил, мне совсем нельзя нервничать...

– Да все нормально, мам, не надо нервничать, успокойся. Просто я устала, наверное, вот и все. И ночь не спала.

– Так поспи...

– Да, я пойду прилягу, пожалуй.

– Давай. А мы с Павликом прогуляемся. Какая погодка на улице, прелесть просто! Можно и на каток сходить...

Маша кивнула, поднялась из-за стола, вышла из кухни. Плотно закрыла дверь в комнату, забралась под одеяло, снова дала волю слезам. Плакала и удивлялась самой себе – каким-то неведомым образом удалось при маме этот слезный поток сдержать... Только бы она не вошла сейчас, не спросила ее о чем-нибудь! Сил нет ей объяснять что-то! Она ж сразу за сердце начнет хвататься, начнет винить ее в том, что сама виновата... Что надо быть хорошей женой, чтобы муж на сторону не смотрел...

А вот и дверь хлопнула, слава богу. Мама и Павлик гулять ушли. Теперь можно и плакать, никто не помешает.

Но, как ни странно, больше не плакалось. И на самом деле страшно спать захотелось. Устала, наверное. Устала бояться, устала ждать чего-то ужасного... Устала думать, где и с кем сейчас Олег... Устала, устала!

Проснулась, когда за окном сгустились январские сумерки. И поняла тут же – никакого облегчения сон не принес. Наоборот, еще хуже стало. И мысли в голове стали яснее, потому еще ужаснее.

Долго лежала, слушала звонкую тишину. В голове болью бился вопрос – что теперь будет, что? Неужели Олег бросит ее, уйдет к другой? Как он тогда говорил по телефону той, другой... «Потерпи, малыш, следующий Новый год будем вместе встречать, я тебе обещаю!»

А ее он никогда малышом не называл... И таким голосом нежным никогда с ней не говорил. Да она и не ждала от него таких нежностей, чего уж там... Счастлива была, что он рядом, ей этого вполне хватало. Любила сильно. Да и сейчас любит, это ж понятно. И всегда будет любить...

И что же теперь с этим «всегда» делать? С осознанием того, что без Олега просто не сможет жить? Что делать-то, что? Сидеть и ждать, когда жизнь кончится? И сколько ждать? До следующего Нового года, как Олег тому малышу неведомому обещал?

Хорошо, что в прихожей хлопнула дверь и послышался голосок Павлика, иначе с ума бы сошла в этой тяжело звенящей тишине. Надо встать, заняться чем-то, отвлечь себя хоть немного. И улыбку на лицо надеть, пусть и вымученную. Не надо маме давать повод для дальнейших расспросов. Не надо пока...

Наверное, это неправильно – рассчитывать и опираться на это «пока». Да что там наверное! Конечно, это неправильно! Потому что надо бы взять и поговорить с Олегом, выяснить все, разрубить одним махом этот узел! Или так... или не так! Или мы семьей живем, или вот бог, вот порог!

Но разве ей самой станет от этого легче? Когда уже никакой надежды не будет, что все само собой образуется? Что этот самый «малыш» исчезнет из жизни Олега со временем... Кто ж знает, сколько у него этих самых «малышей» было? Ведь не знала она о них ничего, жила и любила, счаст-

лива была... Правда – она вещь коварная, иногда и не нужна вовсе бывает. У каждого правда своя. Жизнь своя, счастье свое. Все зависит от характера, от темперамента. Ей вот вполне хватало того, что любимый муж рядом... Что же теперь, казнить ее за это, да?

– Мам, мы с бабушкой на каток ходили, я даже не упал ни разу! Представляешь? Я так здорово уже катаюсь, мам! – радостно встретил ее в прихожей Павлик, снимая курточку.

А мама глянула на нее настороженно и хотела спросить что-то, но промолчала. И в следующие дни тоже молчала, все так же грустно поглядывала. И даже не спрашивала, почему Олега все время дома нет. Почему рано уходит и поздно приходит. И ведет себя как гость. К тому же он вскоре заявил, что срочно улетает в командировку. Безапелляционно так заявил, с нажимом:

– Это срочная командировка, Маша! И не смотри на меня так, не говори, что никто не работает, что у всех каникулы! А я работаю, понимаешь ты это или нет?

– Понимаю, Олег. Я все прекрасно понимаю.

– А что за тон, не пойму? Я что, в первый раз улетаю в командировку, да?

Она ничего ему не ответила. Только подумала отрешенно – вот же он, тот самый момент... Тот самый, чтобы сказать – вот бог, вот порог...

А с другой стороны, он сам, что ли, не может ничего сказать? Смелости не хватает? Ведь знает, что она прекрасно

понимает, что никакая это не командировка! Зачем, зачем такие мучения? Ведет себя как тот хозяин, который очень свою собаку жалел и отрезал ей хвост по маленьким кусочкам...

Так ничего они друг другу и не сказали. Маша молча собрала ему чемодан в «командировку». Олег уехал. Или ушел... Может, он и впрямь решил уйти вот так?

Остаток новогодних каникул прошел для нее как в тумане. Когда не знаешь, что увидишь перед глазами, если этот туман рассеется. То ли прежнюю жизнь увидишь, то ли другую. Ту самую другую жизнь, которой ужасно боишься. И ждешь... С болью сердечной ждешь. С надрывом обморочным. И понимаешь, что так нельзя, презираешь себя за это. И все равно ждешь...

Наверное, на лице у нее все эти страдания были выписаны – как их скроешь-то? И потому мама не выдержала, спросила в лоб:

– Маш, перестань от меня скрывать... Я же вижу, что-то у вас происходит! Думаешь, мне, что ли, так легко смотреть на все это? Садись и рассказывай, хватит мучиться. Когда кому-то расскажешь свою беду, сразу легче становится. Я ведь не чужая тебе, правда?

– Да, мам, ты не чужая... А только я не могу, не могу...

– Ну, если не можешь, так я за тебя все скажу. У Олега другая женщина есть, да? Правильно я поняла?

– Да, мам. Ты правильно поняла. И давай не будем больше

об этом...

– Да как же не будем, как же не будем-то! Я ж вижу, ты измаялась уже вся! И зря, между прочим!

– Как это – зря? Мне что, радоваться надо этому обстоятельству, по-твоему?

– Нет, не радоваться. Но изводить себя тоже не стоит. Не бери в голову... Для таких, как наш Олег, семья важнее. Он очень ценит дом, уют, любовь нашу ценит... А на стороне он просто самоутверждается, вот и все. В том смысле – мужик он или кто?

– Ничего себе, мам... Как у тебя все просто! А мне что ты предлагаешь? Смотреть на эти его самоутверждения и радоваться? Тебе за меня не обидно, что ли, не понимаю?

– Да господи, Маш... Я ж не предлагаю тебе радоваться, я ж наоборот... Я предлагаю тебе смотреть на все это как бы со стороны, по-умному, по-женски мудро. Ты пойми одну простую вещь – только кретины всю жизнь живут с одной женщиной, а остальные мужики, они ж все нормальные! Я-то сама слишком поздно это поняла, да... Тоже в страдания ударялась, как ты сейчас, – ах, ох, изменил, никогда не прощу, не забуду! Теперь-то понимаю – глупости все это... Да только ничего не поделаешь – мой поезд уже ушел.

– Не понимаю, мам... О чем ты сейчас?

– Да все о том же. Дура я была, когда отца твоего выгоняла. Тоже, как ты, узнала тогда про другую женщину... Не надо было выгонять-то, перетерпеть надо было. Мудрость ба-

бью включить, удержать глупую гордыню. Теперь вот плачу за все одиночеством... Не зря же говорят, что за все надо платить. А ведь можно сделать так, чтобы и не платить... Ты хоть сейчас не наделай тех же глупостей, Маш! Будь умнее меня! Ведь любишь Олега, правда?

– Да, люблю... Очень люблю. Но...

– Конечно, любишь. Чего я спрашиваю-то? Сама, что ль, не вижу, как любишь? Да ты же пропадешь без него, высохнешь, самоуничтожишься! И выправиться не сможешь, характер у тебя не тот! Это в книжках только такое пишут – якобы после развода у женщины новая жизнь начинается. Может, у кого-то и начинается, не спорю... Но не у тебя, Маш. Не такая. Нельзя тебе Олега отпускать, нельзя!

Наверное, можно было поспорить с мамой. И даже сказать что-нибудь горделивое – мол, я не хуже других! Да только не сказала она ничего. Сил не достало. И смелости. Не смогла перешагнуть через эту внутреннюю подавленность, которая хозяйничала в ней с того самого времени, как услышала тот разговор Олега с «малышом»...

Он приехал через три дня. Даже не поздоровавшись, деловито спросил с порога:

– Татьяна Петровна дома, Маш?

– Нет... Они с Павликом гулять ушли... – растерянно проговорила Маша, не зная, как себя с ним вести. То ли обрадоваться его возвращению, то ли никаких эмоций не проявлять. Подумаешь, мол, из командировки приехал. Обычное

дело, в общем.

– Ты голодный? Есть будешь? – спросила тихо.

– Нет. Я не голодный. Я... погоди, я сейчас...

Олег вздохнул, будто собираясь с мыслями, и проговорил довольно решительно:

– Нам поговорить надо, Маша! И лучше сейчас, пока их дома нет! Я думаю, ты и сама понимаешь, о чем надо поговорить...

Она молча кивнула, повернулась, пошла на кухню. Чувствовала, как обмирает все внутри, как поднимается и бежит по телу нервная дрожь, как стало холодно в животе, а через секунду будто вспыхнуло жаром.

– Послушай меня, Маш... – так же решительно проговорил Олег, садясь на стул, и она перебила его испуганно:

– Ой, подожди... Подожди, я сейчас...

Схватила графин, дрожащей рукой налила себе воды, припала к стакану жадно. Показалось, жар в животе немного утих, вроде дышать легче стало. Села напротив Олега за стол, прошелестела едва слышно:

– Говори, я слушаю...

– Да что говорить, Маш... – выдохнул Олег, отводя глаза. – Ты ведь сама поняла, что я хочу сказать, правда? Чего ж я буду тянуть кота за хвост... Ходить вокруг да около. Да, Маша, да... У меня есть другая женщина, я ее люблю. Так получилось, Маш, прости. Поверь, мне очень жаль. Но согласишься, что так продолжаться больше не может! Мы оба

больше не можем жить в этом обмане, правда?

– Да, мы оба... Не можем... – автоматически повторила она за ним, проглатывая концы слов. И спросила вдруг, сама себе удивляясь: – А если бы я не знала, Олег? Если бы случайно тот разговор не слышала и не узнала... Ты бы не ушел, да?

– Не знаю, Маш. Не знаю... Да и зачем сейчас рассуждать, что было бы, если бы да кабы... Как получилось, так получилось. Значит, так тому и быть. Вещи мне поможешь собрать, ладно?

Она опять молча кивнула, с трудом соображая, о чем он просит. А Олег продолжил деловито:

– Я ничего не возьму, только свои личные вещи, Маш. С одним чемоданом уйду. Надеюсь, ты не сомневалась в моей мужской порядочности, правда? И квартиру тоже делить не буду, не переживай.

– Квартиру? – удивленно переспросила она, наморщив лоб. – Так это же мамина квартира, как бы мы стали ее делить...

– Ну что ж! Если соображаешь в этом щекотливом вопросе, значит, все в порядке с тобой! – насмешливо проговорил Олег. – Вот и живи дальше с мамой в ее квартире! С мамой не пропадешь... Считай, что лишний балласт сбросила, от нахлебника избавилась! Правда?

– Я никогда не считала тебя нахлебником, Олег...

– Да ладно! Я что, не понимаю? Денег я мало в дом прино-

сил, подарков дорогих тебе не дарил, теща меня дармоедом считает, я знаю!

– Ну зачем ты так, Олег? Ты же знаешь, что это неправда. Мама никогда тебя ничем не обидела, по-моему. Наоборот...

– Ладно, извини. Может, я не прав. К твоей маме у меня нет претензий. Да и к тебе тоже... Если уж и есть у меня какие претензии, так только к самому себе.

– А что же я Павлику скажу, Олег? И как я это ему скажу?

– Да нормально, как... Я ведь его не бросаю, он всегда будет моим сыном. Так ему и объяснишь...

– Может, ты сам ему объяснишь?

– Да. Конечно, объясню. Я думаю, мы будем часто с ним видеться. Потом объясню... А сейчас я просто уйду, Маш. Пусть Павлик думает пока, что я из командировки не вернулся. Я потом ему все объясню... Так сможешь мне вещи собрать, ладно? И как-нибудь... Побыстрее? Вдруг Татьяна Петровна вернется? Начнет тут над нами рыдать-причитать... Где у нас большой чемодан, Маш?

– На антресолях в прихожей.

– Да, точно. Пойду достану...

Потом они молча собирали ему чемодан. Маша аккуратно складывала рубашки и брюки, сосредоточившись на этом занятии. Будто от этого зависело что-то важное. Будто имело значение, останутся ли складки на рубашках и брюках, когда неведомая разлучница станет их разворачивать у себя дома

и устраивать в свой шкаф...

Она даже вышла в прихожую, чтобы проводить Олега. Не плакала, только смотрела будто в пустоту. И не слышала, что он ей говорил. Ведь говорил же что-то! Наверное, то же самое, что и давеча... Что они не могут жить вместе после всего случившегося... Что любит другую, а ее больше не любит. И правда, лучше не слышать, не надо! Пусть уходит уже...

И потом, когда за Олегом закрылась дверь, тоже не плакала. Сидела, думала горестно, как же она скажет обо всем Павлику. И маме...

Когда в прихожей хлопнула дверь, направилась туда как сомнамбула, натянув на лицо вымученную улыбку. Мама, глянув на нее, только охнула и прикрыла в ужасе рот ладошкой – разве маму обманешь!

– Павлуша, иди ко мне в комнату, включай телевизор... – проговорила мама чуть слышно. – Иди... Скоро ужинать будем, я тебя позову...

На кухне она грузно осела на стул, спросила слезно:

– Олег приходил, да? Я ж по лицу твоему вижу, что он приходил... Ну не молчи, не мучай меня, Маш!

– Да, мам, он приходил. Чтобы вещи забрать. Он ушел, мам.

– Все-таки ушел... Надо же, а я думала... Да как же так-то, Маш! Как же так-то, а? Почему ты его отпустила? Надо было на пороге упасть и не пускать...

– Мам, ну не надо, пожалуйста! Не говори сейчас ничего!

Мне так тяжело, мам... Я просто жить не хочу...

– Ну ладно, ладно, рано еще отчаиваться! Я думаю, он еще сто раз одумается, Маш! Подожди, он скоро еще вернется, еще в ногах твоих будет валяться, вот увидишь! Ты только жди... Так и будет, вот увидишь! Ой, да куда он от нас денется, сама подумай? Устанет от вольной жизни и вернется! Быстро устанет, я думаю... Я даже уверена в этом, на сто процентов уверена!

Маша улыбнулась довольно слабо – на сарказм по отношению к маминым словам сил уже не хватило. Повернулась, вышла из кухни. Хотела было зайти в комнату, где сидел перед телевизором Павлик, да не решилась. Потом с ним поговорит, потом... Когда в себя немного придет.

Все-таки хорошее это выражение – прийти в себя. То есть предполагается, что ты сам себя на какое-то время покинул, а потом сам себя в себя же и загоняешь. Глупости какие, ей-богу. Потому что нельзя ничего сделать силой, нельзя себе приказать. Раненая душа приказов не принимает, плевала она на них. Рана болит и кровоточит, и душа истончается постепенно. Какое там... в себя прийти.

Но ведь жить все равно как-то надо. Пусть и с кровоточащей раной в душе. И в черно-белых жизненных красках. Надо жить ради Павлика. К тому же надо ведь как-то объяснить ему, что случилось. И завтра на работу пора выходить... Кончились каникулы. И прежняя жизнь тоже кончилась. Все, все кончилось...

* * *

Очень трудно привыкать к «законченной» жизни. Осознать ее трудно. Потому что нельзя приказать себе – живи снова! И нельзя приказать – разлюби...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.